

УДК 171

Рецензия на книгу: Варава В. В. Неведомый Бог философии. – М. : Летний сад, 2013. – 256 с.

Еще в начале века двадцатого, пророчески предчувствуя, почти осязая как внутренним чувством, так и умом грядущие времена и их культуру, один из величайших русских мыслителей Н. А. Бердяев писал: «В новые времена иссякает в господствующем сознании творческое дерзновение. Думают о чем-то, пишут о чем-то, но были времена, когда думали и писали что-то, когда было то, о чем теперь вспоминают, о чем пишут исследования. Наша эпоха потому, быть может, так “научна”, что наука говорит о чем-то, а не что-то. Наука вообще, и в частности историческая наука, дает превосходные исследования о религии, о мистике, о Пифагоре, например, или о бл. Августине. Но вот сам бл. Августин не был наукой, он был что-то, то, о чем пишут научные исследования. Мало кто уже дерзает писать так, как писали прежде, писать что-то, писать свое, свое не в смысле особенной оригинальности, а в смысле непосредственного обнаружения жизни, как то было в творениях бл. Августина, в писаниях мистиков, в книгах прежних философов». К величайшему сожалению, предчувствия Бердяева реализовались – современная философская культура обмельчала в своем порыве говорить о предельном и фундаментальном; философия, бывшая и мыслимая некогда как «наука наук», распалась на множество «философий», почти утерев как собственный и издревле единственный предмет, так и собственную исконную специфику – быть духовным «топосом» истины, местом встречи человеческого бытия с извечными вопросами, когда само событие этой встречи ввергает человека в исполнение его наипредельнейшей и глубочайшей сути – быть человеком философствующим. Отсюда наиважнейшей и, безусловно, первостепеннейшей задачей современного недремлющего философского духа и сознания становится попытка, стремление не столько обратить время вспять, чтобы вернуть философии ее прежний статус и натуру, сколько, напротив, продолжить дело философии «здесь и сейчас», возродить, оживить истощенную и сегментированную философскую мысль. Собственно говоря, именно эту задачу ставит перед собой профессор Воронежского университета В. В. Варава – автор книги «Неведомый Бог философии».

Испушенный профессиональными штудиями академический ум, возможно, сочтет название книги ненаучным, увидит в нем авторскую претензию на сенсационность, либо популизм, но лишь до тех пор, пока не вникнет в содержание работы. Название книги вполне оправданно, поскольку ее цель – привлечь, вовлечь широкий круг читателей в философствование в его непосредственной, первозданной стихии обнаженного нерва живого мышления, вызванного к бытию фундаментальной присущей человеку потребностью спрашивать себя и мир о смысле, цели и истине всего, что существует, о том, как оно существует. Название кни-

Д. Н. Обьедненный. Рецензия на кн.: Варава В. В. Неведомый Бог...

ги говорит о том, что автор обращается не только к профессиональным философам (и к ним тоже), но и к тем, кто жадно ищет истины в предельном, метафизическом смысле этого слова.

Вместе с тем читателю, заинтригованному броским названием книги, не стоит надеяться на легкое и ни к чему не обязывающее праздное ее изучение. Это, бесспорно, философская книга, и она потребует от изучающего ее аккумуляции многих усилий: напряжения мысли, эрудиции и духовной интуиции. Произведение Варавы выполнено таким образом, что легкое, ненавязчивое рассуждение, вводящее читателя в суть рассматриваемых вопросов, в некий определенный момент, погружает его в достаточно сложные философские материи и проблемы, дает почувствовать глубинный посыл философии, «вталкивает» в достаточно сложный, многомерный лабиринт философского дискурса. В этом лабиринте – многоголосье мировой мысли говорит о самом главном, об удивлении и страдании как истоках философского искания, до конца не определимой, а потому вечно юной природе философствования, о том, что ищущая смысла мысль неизбежно испытывает такие грани бытия, как ужасающая бездна смерти и мучительнейшая боль этического самоопределения. И здесь от читателя требуются терпение и усилие, чтобы проникнуть в мысли тех, кого автор вводит в контекст своего труда, – а это целая плеяда мыслителей, внесших огромный вклад в становление философской традиции, участвовавших в титаническом труде поддержания ее в актуальном состоянии. Автор демонстрирует неординарные культуру и эрудицию, умело сплетая в нитях аргументации мысли Платона и Аристотеля с идеями М. Хайдеггера, К. Ясперса, обнаруживая их глубинную архитектурную связь с тем, о чем вопрошала русская философия в трудах Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, Н. А. Бердяева, Л. Шестова и А. Платонова.

Обратимся непосредственно к анализу содержания работы. Композиция книги, несмотря на ее, на первый взгляд, неакадемический характер, выполнена в русле творчества, стремящегося излагать материал в рамках некой системы идей.

Глава первая «Фюсис философии» стремится увлечь мысль читателя, его экзистенциальность как таковую к предельным истокам и основам, рождающим философствование как фундаментальнейший феномен человеческого бытия, сообщающий человеку в его бытии его экзистенциально-смысловую аутентичность. Автор достаточно успешно и аргументированно пытается осмыслить философию прежде всего как акт человеческого духа, имеющий своей основой и истоком удивление. Он подвергает критике психологические трактовки удивления как начала философии, поскольку сам предмет философского изумления не есть что-то определенное и окончательно конкретизированное, не есть некая деталь мира, окружающего нас: «Поэтому философское удивление, в основе которого лежит некая интенция по отношению к “беспредметному” бытию, никак не может быть высшим уровнем психологического проявления личности. Бытие как высшая абстракция и сумма высших

умозаключений не может быть представлено в качестве “предметного” проявления, возникновение психологического отношения к которому есть показатель психологического здоровья человека. Следовательно, философское удивление – не психологическая эмоция.

Отмежевываясь от психологизма в трактовке удивления, Варова подходит к концептуализации собственно философского удивления: «Философское удивление – это удивление перед бытием, о котором ровным счетом ничего сказать нельзя, кроме того, что оно есть. Неопределимость философии проистекает из неопределимости бытия. И связанная с ним так называемая “проблема человека” также не определима. Бытие – не для познания, бытие – для удивления. Примерно так могло бы звучать философское кредо, если бы в нем возникла необходимость». В таковой трактовке удивления позиция Варовы во многом сближается с точкой зрения М. Хайдеггера (о чем автор сам фактически и заявляет), а также с общей тенденцией в понимании философии, свойственной русской экзистенциальной метафизике (Н. А. Бердяев, Л. Шестов и др.). Позиция и свойственная ей традиция философского мышления, поддерживаемые автором, являются одной из магистральных линий становления и развития философии, характеризуемой Н. Гартманом как традиция «проблемного мышления» в противоположность тенденции, тяготеющей к «конструктивному системному мышлению». Безусловно, обе указанные линии философского мышления важны и неотъемлемы как конститутивные компоненты философского процесса в его сложности внутренних взаимосвязей, но суть в том, что, как справедливо утверждает автор, современная философия испытывает явный кризис своих духовно-мировоззренческих экзистенциальных оснований, нарастающими темпами вырождаясь в некое подобие неосхоластизма и пустого фразерства, утратившего почву творческой пульсации мысли. Именно в центр данной проблемы нацелена основная интенция авторской позиции – показать, что философия в своей изначальной природе происходит из акта философствования; что именно философствование, как духовно-экзистенциальный, глубоко личностный акт, является первичным архитектурным импульсом по отношению ко всем следующим за ним объективациям (используя терминологию Н. А. Бердяева) мысли.

Глава вторая, озаглавленная «Этос философии», стремится раскрыть глубинную связь философии (понятой в сущности своей прежде всего как «философствование») с этикой; связь, существующую прежде всяческих прочих тематизаций этического (религиозных, светско-гуманистических и т.д.): «Если есть философия, то и религия будет нравственной (то есть не будет игнорировать сомнения и вопрошания человека, подчас кощунственные и богоборческие), и нравственность будет религиозной (то есть признающей трансцендентную, а не только социальную сущность добра и блага, а следовательно, их вечную непостижимость и недостижимость)». Такой вывод автор делает, опираясь на положение, которое он помещает в центр собственной мысли: «Нравствен и религиозен тот, кто честно философствует, поскольку философия вбирает в себя весь

изначальный опыт появления и пребывания человека в мире, которое воспринимается по-философски как чудо, тайна и скорбь, и которое порождает такие чисто философские качества, как удивление, сомнение, вопрошание и страдание».

С высказанной Варавой идеей трудно не согласиться. Действительно, именно философия, философствование, если оно глубоко, искренне и неподдельно, с неизбежностью обнажает те компоненты нашего существования (суетность и пустотность повседневности, леность души и т.д.), которые заставляют наш дух уходить от «вечных вопросов», ища забвения неведения в сонме тех (внутренне деструктивных в своем пределе) форм, которые навязчиво поставляют нам современная культура.

Этический пафос второй главы в итоге логически подходит к проблеме смерти. Анализируя различные аспекты, в коих вопрос о смерти философски когда-либо преломлялся, автор подводит читателя к тому, что в его понимании «...всякая нормальная философия есть апофатическая философия смерти, поскольку ее главный “предмет” и “субъект” связаны навсегда “смертельной логикой”, задаваемой самим бытием». Данный тезис вызывает множество вопросов, хотя вполне объясним и понятен, исходя из позиции, изначально заявленной и отстаиваемой автором – точки зрения экзистенциально ориентированного философского вопрошания. В указанном смысле именно такой взгляд на философию является верным; в то же время при анализе сквозь призму иной философской традиции (сциентистской, аналитической и т.д.), абсолютность изложенного понимания философии, возможно, потерпит некое ограничение.

Третья глава «Патос философии» посвящена преимущественно рассмотрению феномена русской философии. Опираясь на широту своей эрудиции, автор стремится показать, что русская метафизическая традиция в основе своей «этикоцентрична и апофатична». Данная мысль едва ли вызывает сомнение, ибо подтверждается самой природой и содержанием линии отечественного любомудрия. Однако автор не останавливается на этом. Предложив в самом начале работы понимание философии как философствования, Варавва стремится показать, что данный феномен метафизической мысли, хотя и имеет свои примеры в лоне западной культуры, но наиболее сильно и ярко выражен именно в лоне русской философской традиции с ее пафосом духовности, религиозности, этичности: «Философское присутствие – это присутствие бытия в духе, а дух в бытии, это то, что, по сути, делает наше существование возможным, делая его таинственным и трагичным, а значит открытым для вопрошания. В этом смысле Россия всегда в центре философии как таковой, поскольку нигде в мире не скапливается столько трагической тайны, как здесь. Здесь грань и бездна, но здесь и упование. Здесь возможно все начать с начала, не боясь при этом потерять слишком много». Так автор резюмирует итог своей работы, делая попытку концептуально возратить России статус одной из философских столиц, что, конечно же, на фоне современности обладает насущным смыслом более чем когда-либо ранее.

Кратко резюмируя общее впечатление о работе В. В. Варавы «Неведомый Бог философии», следует отметить, что данный труд несет на себе печать подлинного философского понимания и искания. Это находит свое выражение и в его концептуальном содержании, и в самом стиле изложения материала: вполне в духе отечественной философской прозы он изыскан в плане языка и фразы, подвижен, зачастую емко афористичен и, безусловно, придется по вкусу даже предельно искушенному ценителю философской литературы экзистенциальной направленности. Конечно же, в тексте чувствуется глубокая личная симпатия автора к некоторым мыслителям, которых он выделяет в качестве ключевых фигур философского дела, но это – позиция автора, имеющее свое законное право быть. Вполне возможно, что ярые приверженцы сугубо академической линии философии могли бы отметить излишнюю декларативность некоторых положений, отсутствие местами проясненной аргументации. Но это лишь следствие того, что экзистенциальная философия, как и русская в ее предельном измерении, всегда внутренне противилась закоснелому академизму, который зачастую вредит становлению свободной творческой мысли. Да, работа не предлагает того, что принято именовать системой идей, целостным мировоззрением, доктриной. Хотя что, собственно, понимать под доктриной? И является ли создание целостных и системных доктрин в классическом смысле насущной проблемой современной философии? Возникнет ли потребность в изучении философских систем, в диалоге с ними, если в человеке задолго прежде этого не проснется нужда в философствовании? И в этом смысле книга В. В. Варавы, не претендуя на некое завершенное учение, напротив, обладает несомненным пропедевтическим значением, стремясь пробудить в читателе то, что сам автор именуется «философствованием» в противовес «философии». И, на наш взгляд, автору это, несомненно, удалось в полной мере.

*Д. Н. Обидённый,
кандидат философских наук,
преподаватель кафедры онтологии и теории познания
Воронежского государственного университета*